
К 100-ЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ

А. Л. АНДРЕЕВ, Т. В. КУЗНЕЦОВА

ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРА, ПОЛИТИКА В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ

А. А. БОГДАНОВА

Статья посвящена социально-философским взглядам одного из самых известных философских и политических оппонентов В. И. Ленина Александра Александровича Богданова (Малиновского). В статье рассматриваются интерпретация Богдановым «социального материализма» К. Маркса и взгляды русского мыслителя на отношение марксизма к другим философским течениям. Особое внимание авторы уделяют разработанной Богдановым концепции пролетарской культуры, из которой вытекают его взгляды на социализм, историческое значение Октябрьской революции 1917 г., а также на перспективы социально-исторического развития в целом.

Ключевые слова: марксизм, махизм, пролетарская культура, социальная организация, социализм, технократия.

The article is devoted to the socio-philosophical views of one of the most famous philosophical and political opponents of Vladimir Ilyich Lenin – Alexander Aleksandrovich Bogdanov (Malinovsky). The article considers Bogdanov's interpretation of the Marxian “social materialism” and the views of the Russian thinker on the relations of Marxism to other philosophical trends. The authors pay special attention to the concept of “proletarian culture” developed by Bogdanov which generated his views on socialism, the historical significance of the October Revolution of 1917, and the prospects for socio-historical development as a whole.

Keywords: Marxism, Machism, “proletarian culture”, social organization, socialism, technocracy.

Имя Александра Александровича Богданова (Малиновского) вряд ли нуждается в особых рекомендациях. Оно хорошо известно

всем, кто изучал историю марксизма в России и особенно идейную борьбу различных его направлений в первой четверти XX столетия. В этой борьбе Богданов представлял собой фигуру очень значительную. Работы Богданова были популярны среди социал-демократической интеллигенции. Его влияние (в разной, конечно, степени) испытали на себе многие видные ее представители, в том числе А. М. Горький, А. В. Луначарский, М. Н. Покровский, И. И. Скворцов-Степанов, Н. И. Бухарин и др. Для Ленина же, который отнесся к «богдановщине» резко отрицательно, Богданов после революции 1905–1907 гг. становится одним из главных философских оппонентов. Как знать, возникла ли бы когда-нибудь у Ленина, считавшего себя «рядовым марксистом» в философии, потребность написать специальную философскую монографию, если бы не его разногласия с Богдановым и его последователями?

Александр Александрович формировался как мыслитель в условиях, когда философия была в социал-демократическом движении не в почете. Старшее поколение теоретиков II Интернационала, за почти единственным исключением Г. В. Плеханова, не уделяло ей должного внимания и не проявляло особого вкуса к этому роду интеллектуальной деятельности. Богданов же, напротив, довольно рано проявил склонность к конструированию всеохватывающей философской системы, дающей целостную картину мира и определяющей отношение к нему человека.

Нащупывая пути, ведущие к этому грандиозному философскому синтезу, А. А. Богданов постепенно пришел к выводу, что его основой должен стать «социальный материализм» К. Маркса, создание которого русский мыслитель признавал революционным переворотом во взглядах на общество, культуру и историю. В этом смысле Богданов считал себя «добрым марксистом» и очень настойчиво отвергал иные оценки и характеристики своих взглядов.

Однако марксизм он понимал своеобразно. Обращая основное внимание на его методологические функции, Богданов по существу игнорировал другие его стороны. Кроме того, он практически полностью сводит его к историческому материализму. Концептуальная целостность марксизма при этом, естественно, разрушалась. Марксизм оказывался как бы матрицей, в которой должно было быть

отлито некое новое мировоззрение, но материал для ее заполнения должны были дать другие – «новейшие» – течения мысли.

Сегодня для нас не является каким-то криминалом обмен идеями между марксистской философией и другими философскими школами и направлениями. Однако Богданов ведет речь вовсе не о таком диалоге, а о совершенно ином типе взаимодействия, при котором немарксистская философия (главным образом позитивистская) должна была практически полностью взять на себя функцию первичного обобщения природы и выводов естествознания, тогда как на долю марксизма отводился отбор предлагаемых ею решений. Это, естественно, вело к эклектицизму, о чем не раз говорили в своих критических выступлениях и Ленин, и Плеханов.

Собственно, если отвлечься от политической биографии А. А. Богданова, от духовной атмосферы тогдашней России, где увлечения марксизмом в среде интеллигенции были чрезвычайно сильными, и принять во внимание одни лишь теоретические мотивы его обращения к философским идеям К. Маркса и Ф. Энгельса, нетрудно увидеть, что он ухватился за эти идеи как за *средство* решения внутренних, в известной мере даже сугубо технических проблем *иного* философского учения – *махизма*. Богданова, увлекавшегося философией Э. Маха и Р. Авенариуса, в которой он видел «наиболее законченное и строгое выражение духа критики в познавательном отношении к действительности» [Богданов 1925: 8], не удовлетворяло то, что вопреки своим собственным интенциям эта философия так и не смогла устранить дуализм физического и психического. Пытаясь снять эту двойственность, Богданов предложил рассматривать физический и психический ряды как субстанциально тождественные и различающиеся только по типу своей организации. Физическое Богданов трактует как «*социально организованный опыт*», психическое же, с его точки зрения, надо рассматривать как опыт сугубо личный, индивидуальный, еще не вошедший органической составной частью в коллективно выработанные системы представлений. Понятие социально-организованного опыта выводит Богданова на проблему социально-исторической обусловленности познания. В этом контексте у него и возникает потребность в использовании концептуального аппарата марксизма, который в то время занимал, бесспорно, лидирующие позиции

в разработке. Ссылаясь на Маркса, Богданов рассматривает процесс познания как смену идеологических форм, характеризуя при этом свою собственную философскую систему как «идеологию современного технического процесса». В этом процессе, доказывая Богданов, идея принципиальной однородности физического и психического опыта выражает собой миропонимание пролетариата и противостоит классовому сознанию буржуазии, ее индивидуалистическому социальному опыту, центрированному вокруг личного «я» [Богданов 1906: 149–153].

Разработка вопросов социальной детерминации познания, а затем и духовной жизни в целом постепенно обособляется в самостоятельное направление философских интересов Богданова. Его изыскания в этой области приобретают собственную логику, и те проблемы, которые он здесь пытается ставить и анализировать, постепенно утрачивают непосредственную связь с задачей укрепления слабых звеньев махистского учения. Довольно скоро это «марксистское» направление начинает даже доминировать в философских занятиях мыслителя. Тем не менее ее изначально производный характер постоянно ощущается, а та линия деятельности Богданова, которая связана с эмпириокритицизмом, не прерывается и продолжает оказывать существенное влияние на понимание им марксизма. «Вверху» у Богданова – исторический материализм, писал Ленин, правда, вульгарный и искаженный сильным налетом идеалистических воззрений, «внизу» же – «идеализм, переодетый в марксистские термины, подделанный под марксистские словечки» [Ленин 1968: 351].

Таким образом, создатель эмпириомонизма дает нам пример своеобразной теоретической двойственности. Мы, безусловно, вправе рассматривать его в рамках истории марксизма, если понимать эту историю в широком смысле, включая сюда весь идейный контекст реального исторического бытия марксистской теории и практики ее осуществления. Вместе с тем теоретическая деятельность Богданова – это в значительной мере попытка развивать марксизм, находясь одновременно также и *вне* марксизма. Было бы недостаточно назвать его ревизионистом, хотя основания для этого есть, и Ленин, как известно, употреблял по отношению к нему данный термин. Ведь Богданов не просто «дополняет», «разбавляет» марк-

систские положения махистскими, он как бы одновременно пребывает сразу в двух «теоретических плоскостях». По сути своей это *маргинальный теоретик* – тип в то время еще редкий, но во второй половине XX в. сделавшийся достаточно обычным и проявивший себя в различных сочетаниях: марксизм и экзистенциализм, марксизм и структурализм, марксизм и феноменология и т. д.

Осмысление ситуации маргинального философствования очень важно для понимания того, как менялись модели развития марксизма, да и закономерности историко-философского процесса в целом. Анализ теоретического наследия и идейной эволюции Богданова в немалой мере способствует этому и во многом проясняет процесс формирования этого специфического явления философской культуры.

Роль связующего звена между собственно махизмом с его специфической проблематикой («подстановка», «интросекция» и т. п.) и разработкой определенной интерпретации марксизма в философском творчестве Богданова играет понятие организации.

Как убедительно показал Э. В. Ильенков, реальный смысл богдановской социологии и социальной философии, основанных на этом понятии, состоит в замене диалектики теорией равновесия и принципом экономии энергии как способом достижения «уравновешенного» состояния социума [Ильенков 1980: 72–84].

Рассматривая путь к социализму с этих позиций, Богданов по существу сводит весь сложный и многогранный процесс социалистического строительства к сугубо «организационной» задаче, решение которой носит сугубо инженерный характер. Созидание нового «интегрального общества» (а «интегральное общество» – это и есть социализм) по сути дела совершенно аналогично изобретению какой-либо новой машины: опытный конструктор, вооруженный глубокими знаниями (богдановской «всеобщей организационной наукой») и далеко превосходящий обычных людей по уровню понимания целей и возможностей общества, комбинирует разнообразные «социальные элементы», добиваясь их оптимального сочетания и эффективного взаимодействия. Главное – расставить всех по местам, расписать, кто что должен делать, и мы очень быстро придем к состоянию всеобщей гармонии.

По сути это не что иное, как полная противоположность ленинской концепции социализма. Для Ленина главный фактор создания новой общественности – это живое творчество масс. Социализм же богдановского типа мог создаваться только сверху посредством чисто механических воздействий на общество.

Можно, конечно, сказать, что Богданов не уяснил себе ленинского подхода к строительству социализма, что он мыслил стоящие перед социалистами задачи упрощенно и т. п. Все это было бы верным, но все же проблема не может быть сведена лишь к теоретическим ошибкам. У нее есть и нравственные аспекты, и аспекты социально-психологического порядка. Дело не просто в «уровне мышления», а в той изначальной шкале ценностей, которая обуславливает собой мотивы, определяющие жизненный выбор человека, его отношение к другим людям, социальным слоям, народу, наконец, к человечеству. На эту мысль сразу же наталкивает то обстоятельство, что Богданов не только обосновывал свои идеи теоретически, он попытался еще и зарядить их эмоциональным потенциалом, опозитизировав в образе главного героя своих утопических романов инженера Мэнни – «социального демиурга», прокладывающего человечеству пути в будущее. И в этом плане концепции А. А. Богданова, независимо от того, что думал по этому поводу он сам, оказываются уже не фактом одной только его личной мысли, но и отражением определенных общественных настроений, идеологией известного слоя, социальной группы, течения.

Анализ теоретического наследия Богданова в этом контексте показывает тесную связь его взглядов с левореволюционаристскими настроениями в большевистском крыле РСДРП. Именно к Богданову восходит большая часть того фонда идей, который подпитывал эти настроения и служил «теоретической средой», в которой кристаллизовались различные левые течения в большевизме (как существовавшие в виде политических групп, так и организационно не оформившиеся).

В этой связи необходимо особо отметить роль богдановских представлений о методах строительства «общества будущего» в формировании идеологии социального технократизма, который на почве «революционного нетерпения» левых, получивших вместе с доступом к государственной власти возможность проводить то-

тальные социальные эксперименты, быстро перерастал в экзальтированное поклонение Великим Планам, которые надо было осуществить во что бы то ни стало, не считаясь ни с каким сопротивлением «социальной материи». Да и стоит ли принимать в расчет эту материю?

«Всякий, – разъяснял эту точку зрения А. А. Богданов, – строит мир по образу и подобию своего социального опыта» [Богданов 1925: 22]. Так, древнейшие человеческие цивилизации были основаны на сугубо авторитарных отношениях между организаторами и исполнителями, поэтому для них характерен и авторитарный тип мышления, склонный искать за всеми происходящими событиями, в том числе и природными, чью-то активно действующую личную волю. Напротив, в идущем на смену этим цивилизациям капиталистическом обществе, где господствует анархия рыночных отношений, закономерное и необходимое мыслится по образцу стихийно действующих рыночных сил и приобретает безличный характер; таковы, к примеру, идея долга, разнообразные моральные и правовые нормы, эталоны научности, которым люди подчиняются в своей деятельности.

При социализме, считал Богданов, между людьми установится товарищеский тип сотрудничества. Поэтому и культура социалистического общества будет уже не авторитарной и не индивидуалистической, а товарищеской, коллективистской.

Нельзя сказать, что методы истолкования культурно-исторического процесса, используемые Богдановым, совершенно беспочвенны. Известная гомология между социальными формами и формами культуры действительно существует. Ошибка мыслителя состояла не в попытке искать «социологические эквиваленты» культурных явлений, а в абсолютизации данного способа их интерпретации, в том, что он превратил социоморфизм в основной и даже единственный принцип философии культуры. Это неизбежно вело к устранению из культуры ее объективного содержания. Культура полностью отождествлялась с идеологией, и все ее значение сводилось к функции классовой самоорганизации. Совершенно ясно, что такой подход опасен вульгарным «социологическим релятивизмом» в оценке культурных явлений и нигилистическим отношением к культурному наследию.

Справедливости ради надо отметить, что А. А. Богданов никогда не доходил до того скандального экстремизма, который впоследствии не раз возникал из соединения вульгарного социологизма в истолковании культуры с политическими устремлениями левацкого толка не только у нас, но и на Западе («сбросим Пушкина с корабля современности», «сожжем Рафаэля» и т. д. и т. п.). Сам он выступал против такого экстремизма, доказывал необходимость приобщения к культурному наследию и сохранения его для потомков. Но все это в общем контексте его учения звучит как-то неуверенно и необедительно. Тем более что преемственная связь с культурой «уходящих классов» приемлема для него лишь в весьма ослабленном варианте: все-таки она «не наша» и может быть полезна лишь как источник строительного материала для нового культурного творчества (вариант: для сопоставления ее с новой, идущей ей на смену культурой, облегчающего осознание этой последней своей собственной специфики).

Центральное место в системе культурфилософских построений Богданова занимает его концепция пролетарской культуры. Пролетарская культура, считал он, конституируется на основе принципа коллективизма, и в этом смысле она является прообразом социалистической культуры и вместе с тем начальным этапом ее становления. Становление ее, однако, исторически запаздывает по отношению к процессу формирования пролетариата как класса. Вначале пролетариат еще не способен к самостоятельному творчеству и находится под воздействием культуры буржуазной, которая выступает для него как «просто культура» (культура как таковая). Пока это воздействие не преодолено, пролетариат остается всецело на почве старого общества, потому что оно диктует ему свои ценности и тип мышления; лишь порвав с буржуазной культурой, он приобретет субъективную способность бороться не за частичное улучшение своего положения в этом обществе, а за новое, более высокое общественное устройство.

Таким образом, создание пролетарской культуры, по Богданову, должно предшествовать социалистическому перевороту; значит, она должна возникнуть еще в рамках капитализма. Но ведь капитализм (и об этом не раз писал сам мыслитель) систематически производит в духовной сфере вовсе не пролетарские, а буржуазные

воззрения. Где же, в каких «социальных лакунах» может кристаллизоваться культура, представляющая собой его тотальное отрицание? Ответом на этот вопрос для А. А. Богданова стала идея Пролеткульта – особой, независимой от существующих общественных институтов организации, которая и ставит своей целью выработку пролетарской культуры. Когда такая организация была создана, Богданов принял в ее работе активное участие, стал одним из ее ведущих теоретиков.

Пролеткульт, безусловно, сыграл позитивную роль в просвещении трудящихся масс и их приобщении к творческой деятельности. Но в целом его программа, направленная на то, чтобы построить новую культуру где-то в стороне от потока общественной жизни, была утопической. К тому же представления идеологов данного движения о тех конкретных формах, которые должна была принять пролетарская культура, были совершенно умозрительными и полностью игнорировали действительную логику духовного освоения мира. Скажем, пролеткультовцы всерьез были убеждены в том, что все науки примут в руках пролетариата абсолютно новый вид. Если сейчас, писал Богданов, познание дробится на отдельные специальности, каждая из которых загромождена массой мелочей и тонкостей и требует для своего изучения чуть ли не целой жизни, то в процессе выработки «социалистического знания» следует стремиться к упрощению и объединению науки, к отысканию таких способов ее исследования, которые давали бы возможность быстро овладевать ими, – подобно тому, «как рабочий машинного производства может сравнительно легко переходить от одной специальности к другой» [Богданов 1925: 98].

Таковы в общих чертах теоретические взгляды Богданова в целом. Как мы стремились показать, это был достаточно противоречивый, но вместе с тем оригинальный мыслитель. И наследие его представляет не только чисто исторический интерес. Многие мысли, впервые им предложенные и отработанные, в дальнейшем стали типичными для леворадикальной теоретической парадигмы. Это касается, в частности, социоморфной модели культуры, превращения понятия идеологии во всеохватывающую парадигму ее анализа, тезиса о том, что революция в культуре является главным средством радикального прорыва буржуазной действительности, как

полагали представители франкфуртской школы, которые выдвигали на эту роль свою собственную «критическую теорию».

Значительный интерес для понимания теоретической эволюции Богданова представляет его неопубликованная работа «Линии культуры XIX и XX века», сохранившаяся в рукописи. Она относится к первой половине 20-х гг. XX в. и выражает теоретические взгляды мыслителя, уже отошедшего от практической деятельности в Пролеткульте. В данной работе систематизированно и вместе с тем сжато излагаются исходные посылки богдановского понимания культуры и ее роли в общественной жизни. Вновь подтверждая свою точку зрения на культуру как на средство самоорганизации социальных групп и классов, автор статьи рассматривает систему культурных принципов как наиболее глубокий уровень социально-исторической реальности. Характер жизнедеятельности всякого социального коллектива, его место в обществе определяются, с точки зрения Богданова, именно присущим ему типом культуры; классовая же борьба есть в основе своей борьба культурных принципов, носителями которых данные классы являются. Что же касается *интересов*, то они производны от культурных принципов, ибо «самые интересы людей и коллективов понимаются ими в зависимости от сложившихся форм мышления». Исходя из этого, Богданов приходит к выводу, что социальные революции представляют собой прежде всего смену господствующих в обществе культурных принципов.

Такой радикализм в утверждении первичности культуры перед остальными сторонами общественной жизни ранее у Богданова не проявлялся, хотя в некоторых предшествующих его произведениях и можно обнаружить отдельные элементы выраженной в рассматриваемой работе позиции. Это позволяет утверждать, что данная работа стала своего рода переломным пунктом в идейной эволюции Богданова, в ходе которой его философия истории и социальная философия все в большей степени принимали форму философии культуры.

На основе этого отчетливо наметившегося сдвига в своих воззрениях Александр Александрович предпринимает попытку широкомасштабной теоретической реконструкции культуры эпохи капитализма, включающую в себя также и анализ дальнейших пер-

спектив ее развития. Метод этой реконструкции – построение универсальной типологии форм культуры, вырабатываемых основными классами – антагонистами капиталистического общества (буржуазией и пролетариатом). В отличие от более ранних своих работ, Богданов рассматривает здесь буржуазную и пролетарскую культуру не «сплошными блоками», а дифференцированно, выделяя внутри каждой из них ряд тенденций («линий»), представляющих собой особые варианты некоторого единого для каждого класса культурного принципа. Такой подход несколько смягчает абстрактную умозрительность его социологических схем, хотя и не ликвидирует ее полностью.

При том понимании роли культуры в жизни общества, которое Богданов отстаивает в рассматриваемой нами работе, культурологический анализ совершенно естественно перерастает в социально-исторический и политический.

В своем анализе сложившейся после победы Октября исторической ситуации А. А. Богданов по-прежнему исходит из того, что пролетариат субъективно еще не готов к «прорыву» наличной буржуазной действительности и к созиданию принципиально новых форм жизни. Следовательно, ближайшая историческая перспектива – это перспектива капиталистического развития.

Однако, как утверждает в «Линиях культуры...», капитализм при этом не останется неизменным. В противовес Ленину, считавшему империализм последней (высшей) стадией буржуазного строя, Богданов доказывает, что на смену финансовому капитализму придет не социализм, а некоторая новая форма капитализма, «организационная задача» которого будет состоять в преодолении экономической анархии на основе планирования. Такая трансформация капиталистической экономики будет сопровождаться глубокими сдвигами в социальной структуре, политике, идеологии, культуре. Переход к крупномасштабному планированию приведет к принципиальному изменению соотношения между экономическим базисом и политической надстройкой: властные функции государства приобретут характер непосредственно экономических функций. Изменится и характер господствующего класса. Старая буржуазия, как предпринимательская, так и рантье́рская, не в состоянии быть субъектом грядущего экономического порядка. Этим субъек-

том может стать только новая социальная элита, которая образуется из двух основных источников, научной и инженерной интеллигенции и кадров, прошедших школу государственного управления.

По-видимому, в этих рассуждениях Богданова можно усмотреть отдаленное предчувствие тех процессов в развитии капиталистического общества, которые на Западе получили название «революции управляющих».

Интересны размышления А. А. Богданова о том, как осуществится переход к грядущей фазе капитализма в политическом плане. Те социальные силы, которые займут в ней господствующее положение, он считал неспособными к активному политическому действию. Поэтому роль субъекта «национализаторской революции», которая приведет к созданию государственного планового капитализма, Богданов отводил пролетариату, выступающему в союзе с остатками мелкой буржуазии и крестьянством.

Хотя внешне эта разрабатываемая Богдановым модель общественного развития носит абстрактный характер и не содержит указаний на те или иные реальные исторические события, нетрудно понять, что намек на них все-таки в ней содержится. По сути дела, мыслитель характеризует в своих рассуждениях не только «революцию вообще», но и конкретную, совершенную рабочими и крестьянами, – Октябрьскую революцию 1917 г. в России. Из этой концепции исторического процесса, которая предложена в «Линиях культуры...», совершенно очевидно следует, что Октябрь в действительности стал исходной точкой не социалистических преобразований, а перехода капитализма в более высокую фазу своего развития (в мировом масштабе или только в России – эта проблема в работе специально не обсуждается). В новых условиях, считал Богданов, существенно изменится культурный облик пролетариата, возникнут новые формы его идеологии. Однако и они будут нацелены в первую очередь на интеграцию рабочего класса в существующую социальную систему. И лишь тогда, когда и эта форма капитализма исчерпает свои возможности, «можно ожидать консолидации пролетариата на единой, своей собственной культурной линии – всеорганизаторского коллективизма». Лишь тогда пролетариат сможет стать самим собою и открыть дорогу к социализму.

С высоты десятилетий, прошедших с той поры, когда А. А. Богданов формулировал эти прогнозы, нельзя не видеть того, что его оценка адаптивной способности капитализма была довольно пронищательной, хотя причины, сделавшие возможным новый виток в его развитии, в то время еще не выявились с достаточной определенностью, и установить их в полной мере Богданов, естественно, не сумел.

Литература

- Богданов А. А. Эмпириомонизм. Кн. 1. М., 1905.
Богданов А. А. Эмпириомонизм. Кн. 3. СПб., 1906.
Богданов А. О пролетарской культуре. 1904–1924. Л.; М., 1925.
Ильенков Э. В. Ленинская диалектика и метафизика позитивизма. М., 1980.
Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. Т. 18. М., 1968.